

Новая линия в изображении Персии в повести

Д.Л. Мордовцева «За чьи грехи?»

Мотамедния Масуме*

Старший преподаватель, Мазандеранский университет,
Баболсар, Иран.

(дата получения: май 2016 г.; дата принятия: август 2016 г.)

Аннотация

Для романтиков Восток и восточная образность привлекательны своей экзотичностью, яркостью красок. Эта линия получает свое дальнейшее развитие в творчестве создателей русского исторического романа, в частности – в повести Д.Л. Мордовцева «За чьи грехи?». Это произведение сочетает в себе противоположные тенденции: стремление к реалистичности изображения неизбежно сочетается с ощущаемой тягой к мелодраматичности (любовная линия Стенька – персидская полонянка). В то же время писатель искусно вводит читателя в неведомый последний мир Востока, знакомит с психологией женского гаремного воспитания (образ персиянки), косвенно сопоставляет русские и персидские обычаи и традиции.

Ключевые слова: Культура, Восток, Д.Л. Мордовцев, «За Чьи Грехи?», Женское Гаремное Воспитание, Русские и Персидские Обычаи и Традиции.

* E-mail: m.motamednia@umz.ac.ir

A new way to drawing the portray of Iran in long story

«Sins by Whom?» by Daniil Mordovtsev

Motamednia Masoumeh*

Assistant professor Department of Russian language,
University of Mazandaran,
Babolsar, Iran.

(date of receiving: May, 2016; date of acceptance: August, 2016)

Abstract

Orient and oriented character with the rare features and brilliant beauty attract the romantic writers. This attractiveness becomes more widespread in the works of creators of Russian historical novels particularly in long story "Sins by whom?". This work has integrated in it several conflicting objectives. Attempting to depict realistic image in the work with the evident tension towards melodrama is being inexorably entwined as a result of the evident tension towards melodrama is being inexorably entwined. (Love of Estenka and Iranian captive girl) .As the author skillfully leads the reader into the mysterious and unfamiliar oriented world, familiarizes them with the psychological aspect of women's training in harem (Iranian girls character) and at the same time indirectly compared traditions and habits of the people of Russia and Iran with each other.

Keywords: Culture, East, "Sins by Whom?", D.L. Mordovtsev, Training of Harams Woman, Customs and Habits of the People of Russia and Iran.

* E-mail: m.motamednia@umz.ac.ir

Введение

«Д. Мордовцев есть в русской литературе некоторым образом беззаконная комета среди расчисленных светил. Он обладает не только оригинальной манерой изложения, иногда даже блестящей, хотя большею частью неуклюжей и многословной, но и оригинальным складом мысли. Он никогда не идет в хвосте других, но и другим за ним идти тоже мудрено» (Михайловский 1897. 674) – вот так критик Н.К. Михайловский передал читательское восприятие прозы Д.Л. Мордовцева, человека, который вслед за лириками XIX в. продолжил воплощение восточной темы в русской литературе, но уже в эпическом жанре.

Во вступительной статье к книге «За чьи грехи? Великий раскол» находим следующую краткую характеристику жизни и творчества данного писателя: «Прожил 75 лет. Был знаком и дружен с людьми выдающимися, такими как А.Н. Пыпин, Н.Г. Чернышевский, Н.И. Костомаров. Получил хорошее образование, окончив историко-филологический факультет Петербургского университета (1854). Повидал мир. Побывал в Египте, Палестине, Франции, Италии, Испании. О городах и всяях Российской империи и говорить не приходится. Работал легко и результативно. Его талант не был таким глубоким, как у современных ему гигантов русской литературы – Льва Толстого, Федора Достоевского, Антона Чехова, – но его знали, его произведения вызвали споры в обществе»¹ (Мордовцев 1990. 4).

Споры вокруг имени Д.Л. Мордовцева действительно были большими: некоторые ценили писателя за популяризацию истории России в романах и повестях, читать которые было легко и интересно, что обеспечивало доступность изложенного материала широкой публике. Другие, наоборот, говорили, что, несмотря на чрезвычайную плодовитость писателя (его перу принадлежат несколько десятков романов из русской, украинской и древней

1. Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Великий раскол. М., 1990. С. 4. Здесь и далее цитаты из сочинений Д.Л. Мордовцева приводятся с указанием в скобках страниц по данному изданию.

истории), изображение действительности у него уступало место длинным и нудным рассуждениям о ней. Писателя обвиняли в «досадной эстетической глухоте», приводящей к стилевым неточностям, к невниманию к слову, которое приводило к появлению на страницах произведения неведомых веку XVII винтовок, в неумении изобразить чувства своих героев, особенно при изображении любовных сцен или «женских переживаний» героинь.

И все же писатель смог совместить занимательность и достоверность, что ярким образом проявилось в повести «За чьи грехи?».

Основная часть

В произведении автор попытался раскрыть свое понимание роли Степана Разина и его бунта в истории России. С одной стороны, писателю необходимо было «реабилитировать» казачье восстание, нравственно оправдать его, так как бунт Разина неизменно трактовался в его время как попрание всех норм законности и человечности. Даже отнюдь не официозно настроенный Н.И. Костомаров писал: «Бояр ненавидели многие; имя царя, напротив, было священным и для самой крайней вольницы. Но Стенька пошел дальше всех! Стенька сделался врагом самой веры, ибо вера не покровительствует мятежам и убийствам» (140). В таком контексте введение в текст писателем сцены встречи Разина и «ревнителя веры и нравственно чистого» Аввакума, а также благословение, полученное казаком от последнего, должно было придать восстанию дополнительную опору, снять часть будущего «греха».

Восстание Разина Д.Л. Мордовцев изображает как явление закономерное, неизбежное следствие общего развития страны. Осмысляя народный бунт, Д.Л. Мордовцев вполне сочувствует тем целям, которые сформулировал главный герой его произведения; писатель оправдывает само возмущение казаков, отлично понимая его причины, ранее осмысленные им на новом материале в «архивных силуэтах» «Накануне воли». Вместе с тем вслед за Пушкиным Д.Л. Мордовцев видит в восстании и другую сторону – «народный бунт» предстает в повести как «бессмысленный и беспощадный». Восстание

законно в своих мотивах, но оно нетерпимо в выборе своих средств: «бродить по колону в крови» – вот главные слова, в которых автор концентрирует свое понимание действий казаков. Эти средства не имеют оправдания, поэтому-то столь прост и случен крах повстанческого движения: конец ему кладет сабля романтического героя Воина. Духовная непокорность раскольников преодолевала даже смерть, и Разин, перешедший черту человечности, может быть, сознательно обрекает себя на гибель.

Примечателен данный в повести образ главного героя. С. Панов и А. Ранчин отмечают, что значимость главного героя в повести Д. Мордовцева определяется «не соотносительностью с романтической интригой, а реальной включенностью в исторический процесс» (Панов, Ранчин 1990. 9). Казачий атаман вырисован неординарной, сильной личностью, запутанной в своих трагически противоречивых мироощущениях. Раскрытию и более глубокому пониманию сложного образа Степана Разина помогает введенная автором произведения любовная линия, а именно драматический любовный треугольник, главными углами которого стали сам Разин, а также представители восточной цивилизации Заира и Хабибула. Таким образом, Мордовцев развивает уже ставший архетипичным и обязательным романским элементом сюжет легенды о любви атамана и персидской княжны. Но переосмысляет его по-своему, подчиняя развитие любовной линии своему идейно-художественному замыслу, отчего позволяет себе отступить от точного следования сюжету, а именно от мотивационной базе известной легенды, хотя при введении в текст повести образа Разина и сопровождающего его линии взаимоотношений России с Персией Д.Л. Мордовцев в основном следует сложившейся в русском фольклоре традиции.

Так, в главе «Любовь Стеньки Разина» писатель описывает главного героя, уважительно именуемого Степан Тимофеевич, только что вернувшегося с обычного для него похода в море, где «на этот раз уже громил прибрежные владения шахов персидских, потомков царей Кира, Кабиза, Ксерксов и Дариев» (128). Разин здесь – хитрый и ловкий политик, стратег, авантюрист,

которому все-таки присуще некое религиозное рвение – он не просто грабит богатых людей, но воюет против иноверцев, уничтожая по возможности все культовые элементы инородной культуры. Именно этим можно объяснить тот факт, что при захвате города Фарабада, он не только грабит «увеселительные дворцы шаха» (130), но «сжигает до основания» (130).

Интертекстуальные связи между повестью и фольклорными произведениями о Разине проявляются также в особом изображении персов и русских. Перед читателем разворачивается языковая ситуация, которую можно охарактеризовать словами Ю. Кристевой: «Литературное слово становится местом пересечения текстовых плоскостей, диалогом различных видов письма» (Кристева 2000. 429). Несмотря на то, что казаки грабят, уничтожают города, убивают, Д.Л. Мордовцев применительно к ним использует такие слова, как «ребята», «молодцы», «богатыри», «удалые», «редкие, дорогие гости», «почетное посольство». Их боевая сила гиперболизируется – казаки способны справиться с войском, которое в численности в два раза превышает их собственные силы. Персы, наоборот, описаны слабым, глупым народом, который готов покориться даже горстке смелых казаков. Персидское войско со своим командованием предпочитает «бежать с позором» (как это делает астиранский хан Менеды), чем сражаться до последнего.

Кстати, бой при городе Фарабаде и захват детей хана (Заиры и Рустема) не придуманная творческим сознанием автора или народа (если предположить, что автор основывается на сведениях, почерпнутых из легенд и сказаний о Разине) ситуация. Один из исследователей-историков пишет: «Летом 1669 г. казаки разграбили г. Фарабад и расположились на Свином острове в Каспийском море. Здесь на них напал флот под началом Менеды-хана. Персам не повезло – они были разгромлены; Менеды-хан бежал, его сын и дочь попали в плен» (Соловьев 1990. 41).

При создании внешней и внутренней характеристики тринадцатилетней Заиры, Мордовцев следует традициям русских лириков-романтиков XIX в. Сравнение поразительной красоты девушки с цветком (в данном случае с

лилей), использование градационного ряда сложных на синтаксическом уровне определений (красота девушки – «это смешение чего-то нежного, как лилия, с огнем, с огненным темпераментом, сверкавшим в черных огромных глазах, это личико ребенка» с пышною черною косою, гибкость и упругость юных членов, невыразимая грация в движениях» (130), введение слов, которые на внутреннем уровне вводят библейский мотив (огонь здесь символизирует очищение, а сравнение Заиры с ребенком выявляет в ней ангельское начало) – все это является яркой приметой восточного стиля, который, как уже было сказано ранее, так любили русские романтики.

Необыкновенный восточный колорит приносят в повесть и перечисляемые локусы (Астирань, Испагань, Фарабад), и символы, свойственные персидской культуре (лев, египетский голубь, тигр, лилия, гурии), и речь так называемых *восточных* персонажей. В данном случае имеет место «стилизация, подчиненная, однако, выражению авторского мира и авторской системе оценок» (Хализев 2005. 264).

Другим источником влияния на авторское сознание при создании образа персидской княжны (кроме романтической традиции с ее тяготением к экзотическим мирам) могло послужить устное народное творчество, в котором навсегда остался поэтический образ прекрасной полонянки, сливающийся с представлениями русских людей об утонченном, ярком, богатом Востоке, всегда привлекательном, но и опасном, непредсказуемом. Поэтому Заира изображена автором как ценное сокровище среди награбленных разинцами вещей: ее окружает «неслыханная роскошь» – «золото, серебро, жемчуга, алмазы, парчи, атлас», она «одета в дорогое персидское одеяние, драгоценные камни так и сверкали на ней» – что опять-таки является стереотипным сопровождением истинной восточной женщины.

Для русского человека подобный тип женщины всегда был и будет воплощением «женского начала», «Вечной женственности», которая граничит с колдовством. Неслучайно казаки называют Заиру «персидская чаровница-княжна», а гости атамана при ее появлении подавлены «блеском чего-то

невиданного, ослепительного прекрасного». Красота девушки действует и на Степана Разина – «тигр по природе, он сделался кроток и робок со своею пленницей». Теперь удалой атаман предстает перед читателем с другой стороны: любить и быть любимым – вот главное желание и жизненная потребность, необходимость для героя. Восточный ангел очищает его, приближает, как это и не парадоксально звучит, к христианским устоям: «В нем, казалось, опять проснулся тот человек, который пешком прошел чрез всю Россию, от устьев Дона до Ледовитого океана, чтоб только помолиться и поплакать над могилами Соловецких угодников» (131).

Идеализированное царство любви, представленное в повести, противостоит жестокости реального мира. Оно переносит Разина и Заиру в пространство, в котором полностью отсутствуют какие-либо этнические и религиозные предрассудки и противоречия. Перед читателем раскрывается ситуация, отражающая стереотипы поведения восточной женщины. Известный востоковед И.Ю. Крачковский пишет о том, что в Исламе чувство любви между мужчиной и женщиной не является запретным, более того, рассматривается как орудие Божьего промысла (Крачковский 1958.164). На примере взаимоотношения двух людей раскрывается идея о всеобщем единстве народов и конфессий, две противоборствующие культуры находят точки соприкосновения – Разин на судне создает для девушки условия восточной жизни, а Заира соблюдает традиции и законы русского народа. При этом любовь атамана и княжны описывается «в чисто персидском стиле»: взаимоотношения типа «роза и соловей» легко соотносимы с любовной коллизией повести. Правда, здесь Заира – это лилия (даже ее смерть описывается как срывание цветка), а Степан Разин – «сильный, как лев, и кроткий, как египетский голубь». Но в целом, ситуация повторяется, первоначальная неприступность гордого и холодного цветка уступает сладкому пению птицы, хотя в конечном итоге любовь заканчивается разочарованием и как выход из сложившегося положения – смертью.

При рассказе о развитии взаимоотношений между Разиным и персиянкой

приоткрыть занавесу на особенности воспитания и жизни женщин на Востоке позволяет прием ретроспективного изображения. Так, до своего пленения Заира жила в женской половине, гаремной части дворца – серале. С самого раннего детства к ней была приставлена наложница – любимая рабыня ее отца, «русская полонянка из казачек». Уже из этого предложения можно почерпнуть следующую информацию – в стране узаконено многоженство, при этом в состав гарема входят не только мусульманки, но и женщины других народов и другого вероисповедания. Жизнь девочки, как, в принципе, и всех женщин, в гареме, протекала в полном затворничестве, поэтому разинский захват лишь освободил ее от традиционного восточного уединения. Д.Л. Мордовцев знакомит нас и с психологическими установками персидских женщин, действующими в системе взаимоотношений между двумя противоположными полами, когда культ мужчины настолько силен, что для женщины он становится кумиром, богом на земле. Именно так относится Заира и к Степану Разину: «она любит его, он для нее все» (136). Академик И.Ю. Крачковский в своих очерках отмечает, что «в Исламе любовь рассматривается как необходимое условие полноценной реализации отношений мужчины и женщины» (Крачковский 1958.166). Именно в этом духе воспитываются мусульманские женщины.

Интересна авторская интерпретация мотивации убийства Заиры атаманом. Сохраняя внешнюю легендарную форму жертвоприношения, Д.Л. Мордовцев совершенно меняет внутреннее наполнение этого действия. Теперь это не проявление языческого поклонения реке, ее «заобрения», но проявление «Разина-зверя», жестокого и беспощадного тигра, собственника, не желающего «уступить ту, которую ласкал, другому» (139). Именно так объясняет поступок Разина автор повести, хотя в следующей главе приводит и другую возможную мотивацию убийства, о которой говорит Н.И. Костомаров: «Стенька, как видно, завел у себя запорожский обычай – считать связи казака с женщиной поступком достойным смерти. Его увлечение красивою персианкою, естественно, должно было возбудить негодование и ропот тех,

которым Стенька не позволял того, что дозволил себе, и, быть может, желая показать, что не в состоянии привязаться к женщине, он пожертвовал красивой персианкой своему влиянию на товарищей» (Костомаров 1990. 143).

Причиной убийства княжны стали действия другого «восточного персонажа» – персидского толмача Хабибуллы. Надо сказать, что характер этого героя во многом схож с тем образом перса, который уже знаком нам из анализируемой ранее художественной документалистики А.С. Грибоедова. Ложь, коварство, заискивание перед сильнейшими, расчетливость, льстивость, склонность к хитроумным интригам – именно эти качества чаще всего отмечал в персах русский дипломат и именно их в полной мере реализовал в ходе развития любовной линии Хабибулла. Авторское отношение к этому персонажу граничит с личным отвращением. Недаром в процессе создания данного образа использована следующая лексика: «черные восточные глазки», «уклончиво отвечал», «глаза сверкнули плотоядным огнем», «соблазнитель», «хитрый и своекорыстный обманщик». Автор даже не удостоивает себя задачей описания его смерти – перед читателем лишь констатация факта: «Утром рыбаки вытащили из Волги труп Хабибуллы с кинжалом в груди...» (142).

Истинность принадлежности толмача к персидской культуре подтверждается особенностями его языка. Так, в повести «За чьи грехи?» автор использует стилизацию под разговорную речь иностранца. Поэтому так явно подчеркивается и его акцент (что достигается с помощью орфоэпической неточности написания слов и их согласования между собой – «ми» употреблено вместо «мы», «всо большим кавшам» – вместо «все большими ковшами», «тэперь нэ будыт скучил» – вместо «теперь не будет скучать»), и проскользающие в его русской речи слова-заимствования из персидского языка («ханым», «гурия»), и повторы, свойственные восточному языку, а также удлинение фразы засчет построения длинных логических цепочек или, иначе, детальных подробностей, которые русские люди в разговорной речи опускают в связи со стремлением к лаконизму и четкости, но восточный

человек не преминет вставить в предложение. Ведь чем витиеватее звучит речь, тем она красивее и достойнее согласно восточной ораторской традиции. Поэтому в художественном тексте в монологе персонажа становится возможным следующее пространное высказывание: «Завтра атаман будет пить, потому что если хозяин не пьет, то и гости не будут пить. Атаман должен будет пить – и напьется пьяным. Казаки все перепьются и уснут. Уснет и атаман как убитый...» (136). И, конечно, речь какого восточного человека может обойтись без введения в нее традиционных языковых штампов-метафор, адресатом которых является, естественно, женщина: «жемчужина Востока», «солнце Востока», «звезда Востока». Исследователи отмечают, что «поэтике Мордовцева свойственна "формальность", "этикетность" речи и переживания его героев не спонтанные, не индивидуальные, это выдержанные в соответствии с принципами старой русской литературы "речения" и описания» (Панов 1990. 20) .

Можно предположить, что автор намеренно подчеркивает иностранное происхождение одного из «ребят Разина» с целью выявить чуждость, отторженность этого человека от русского общества, пусть даже это общество представлено бандой, в которой «приняты только два наслаждения – резня и попойки». И в этом нетрудно заметить воспевание русского народа, в котором последний бандит сохраняет честность, открытость и понимание сущности братского единения, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства.

Заключение

Как видим, Д.Л. Мордовцев в повести «За чьи грехи?» продолжает традиции русских лириков-романтиков. Хотя в основу сюжета положена фольклорная легенда, она переосмыслена автором в соответствии с романтической традицией – в художественный текст внедряются привлекательные для романтиков элементы восточной экзотики: используется восточная образность при описании героев (в частности – портрет персиянки), восточные топонимы, противопоставление двух миров (русского и

персидского).

Хотя сюжет в основе своей мелодраматический (на передний план выдвинута любовная линия), писателю нельзя отказать и в реалистичности. Художественно достоверен созданный им образ перса-предателя, оказавшегося в разинском стане. Художественным достоинством повести является удачная попытка приоткрыть для русского читателя завесу над загадочным и манящим миром Востока, сравнить обычаи и традиции русского человека и персидскую культуру.

Литература

- 1- Костомаров Н.И. (1990). *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 т.* Изд-во «Книга».
- 2- Крачковский И.Ю. (1958). *Очерки по истории русской арабистики.* Изд-во «Наука»
- 3- Кристева Ю. (2000). *Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму.* Изд-во «Наука».
- 4- Михайловский Н.К.(1897). *Сочинения: В 4 т.* СПб., Изд-во «Русское богатство».
- 5- Мордовцев Д.Л. (1990). *За чьи грехи? Великий раскол.* Изд-во «Правда»
- 6- Панов С., Ранчин А. (1990). *Д.Л. Мордовцев и его историческая проза // Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Великий раскол.* Изд.во «Правда».
- 7- Соловьев В.М. (1990). *Степан Разин и его время.* Изд-во «Просвещение».
- 8- Хализев В.Е. (2005). *Теория литературы.* Изд-во «Высшая школа».

Bibliography

- 1- Kostomarov N.I. (1990). *Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej: V 3 t.* Izd-vo «Kniga».
- 2- Krachkovskij I.Ju. (1958). *Ocherki po istorii russoj arabistiki.* Izd-vo «Nauka»
- 3- Kristeva Ju. (2000). *Bahtin, slovo, dialog, roman // Francuzskaja semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu.* Izd-vo «Nauka».
- 4- Mihajlovskij N.K.(1897). *Sochinenija: V 4 t. SPb.,* Izd-vo «Russkoe bogatstvo».
- 5- Mordovcev D.L. (1990). *Za ch'i grehi? Velikij raskol.* Izd-vo «Pravda».

- 6- Panov S., Ranchin A. (1990). *D.L. Mordovcev i ego istoricheskaja proza // Mordovcev D.L. Za ch'i grehi? Velikij raskol.* Izd.vo «Pravda».
- 7- Solov'ev V.M. (1990). *Stepan Razin i ego vremja.* Izd-vo «Prosveshhenie».
- 8- Halizev V.E. (2005). *Teorija literatury.* Izd-vo «Vysshaja shkola».

مسیر جدید ترسیم چهره ایران در داستان بلند «به گناهان چه کسی؟» اثر دانیل

ماردووتسلف

معصومه معتمدنیا*

استادیار دانشگاه مازندران،

بابلسر، ایران.

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۱۶؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۶)

شرق و چهره شرقی با ویژگی‌های نادر و زیبایی درخشان همواره توجه رماتیک‌نویسان را به‌خود جلب کرده‌است. این جذابیت در آثار نویسندگان رمان‌های تاریخی روسی، به‌ویژه در داستان بلند «به گناهان چه کسانی؟» اثر ماردووتسلف گسترش بیشتری می‌یابد. این اثر چند هدف متضاد را در خود تلفیق کرده است: تلاش برای نشان‌دادن تصویری واقع‌گرایانه با کششی مشهود به‌سمت ملودرام (عشق استنکا و دختر اسیر ایرانی) و این اهداف به‌طرز اجتناب‌ناپذیری درهم می‌آمیزند. همان‌گونه که نویسنده با مهارت هرچه تمام‌تر خواننده را به دنیای مرموز و ناآشنای شرق هدایت می‌کند، او را با روانکاوی تربیت زنان حرم (شخصیت دختر ایرانی) نیز آشنا می‌سازد و در عین حال به‌طور غیرمستقیم به مقایسه سنت‌ها و عادات مردم روسیه و ایران با یکدیگر می‌پردازد.

واژگان کلیدی: فرهنگ، شرق، «به گناهان چه کسانی؟»، ماردووتسلف، تربیت زنان حرمی، سنت‌ها و عادات مردم روسیه و ایران.

* E-mail: m.motamednia@umz.ac.ir